

Мусеев Николай Александрович**Museev Nikolay Aleksandrovich**аспирант кафедры философии и права
Пермского национального исследовательского
политехнического университетаPhD student,
Philosophy and Law Department,
Perm National Research Polytechnic University**ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ
В ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ
СОВРЕМЕННОСТИ****THE RETURN OF METAPHYSICS
IN CONTEMPORARY
ONTOLOGICAL PROJECTS****Аннотация:**

Статья посвящена вопросу конструирования критической метафизики. Рассматриваются исторические основания трансформации традиции в связи с идейным комплексом концепта «целое (полнота)». Целое, являющееся конституирующим ядром классической метафизики (от Платона до Гегеля), в текущей историко-философской ситуации не устраняется. В работе рассматривается переход идиомы «целое» от спекулятивного гносеологического конструкта к экзистенциальному опыту «полноты» мира. Формулируется следующее методологическое положение: построение критической метафизики возможно в рамках феноменологии художественного опыта.

Ключевые слова:

метафизика, классическая философия, современная философия, целое, мир, искусство, художественный опыт.

Summary:

The article is devoted to the issue of constructing critical metaphysics. The study reviews the historical grounds for transforming tradition in connection with the ideological complex of the concept of the "whole (completeness)". The whole that is the core of classical metaphysics (from Plato to Hegel) persists in the current historical and philosophical situation. The paper considers the transition of the "whole" from the speculative epistemological construct to the existential experience of the "completeness" of the world. The author formulated the following methodological position: constructing critical metaphysics is possible within the phenomenology of artistic experience.

Keywords:

metaphysics, classical philosophy, contemporary philosophy, the whole, world, art, artistic experience.

В текущей историко-культурной ситуации, характеризующейся отрицанием старых и поиском новых философских оснований, в состоянии трансформации ключевых представлений о бытии и месте человека в нем искусство все в большей степени претендует на статус универсального источника, метода и языка познания мира. Исходные положения для номинации искусства как основания новой метафизики (новой онтологии, выстроенной в пространстве феноменологии художественного опыта) просматриваются в историко-философской традиции, в переходе от «классики» к «модерну», в напряженном стремлении сохранить мысль о бытии как мысль о целом и неделимом.

Трактовка историко-философского процесса XX в. предстает сегодня в расхожей формуле «преодоления метафизики» («конца философии»). Под этим понимается отказ от классических метафизических оснований новоевропейской философии, базирующейся на предельных концептах «сущности», «субстанции», «субъекта», сложившихся на фундаменте античной традиции и утвердившихся в Новое время. В ходе мощной интеллектуальной работы с середины XIX в. базовые основания, пронизывающие все сферы человеческого существования, были отвергнуты и помещены в «архив». Начались поиски неклассического способа философствования. У истоков этого процесса стоят А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, К. Маркс, Ф. Ницше, З. Фрейд.

Критическое движение не возникло вдруг. Все, что предстояло испытать культуре и мысли, было фундировано в традиции, в том «начале», которое на заре своей истории выбирает западное мышление. М. Хайдеггер, говоря об «эсхатологии бытия», отмечал сложную диалектику «начал» и «концов»: «Та древность, которая определяет изречение Анаксимандра, принадлежит к утренней рани вечернего Запада» [1, с. 32].

Ф. Ницше связывает поворот в истории западного мышления с фигурой Сократа. Именно Сократ привносит «тип неслыханной до него формы бытия, тип *теоретического человека*» [2, с. 105], не желающего быть причастным к мифу и воле. Вслед за Сократом человек ушел в *gnōthi seauton* – познание себя. Это фундаментальное открытие в скором времени приведет к мощнейшей деструкции традиции, к *Umwertung aller Werte* – переоценке всех ценностей.

Решающий шаг по направлению к критической философии был сделан И. Кантом. В.Н. Железняк отмечает: «Кант превратил метафизику в проблему. Причем он никогда не посягал на исключительную важность метафизики. Наоборот, он стремился дать прочное обоснование самой ее возможности» [3, с. 199]. Очнувшись от «догматического сна», Кант обратился к аналитике познавательной способности.

Кантом были установлены границы, которые не могут быть преодолены. Однако непреодолимость установленных границ встречает постоянное противостояние в виде непреклонного стремления эти пределы разрушить – такова сущность *разума*. Бытие (как целое, трансцендентное и т. д.) оказалось заключено в «ловушку» антиномий: «Абсолютная целостность [totalitas], хотя и представляется понятием повседневным и легко понимаемым... при более глубоком взвешивании представляет... для философа величайшие трудности» [4, с. 388]. Однако следует подчеркнуть, что «человеческий разум никогда не сможет отказаться от метафизического соблазна» [5, с. 199]. К реализации «онтологического проекта», имплицитно присутствующего в философской системе И. Канта, в XX в. вплотную подошли Э. Гуссерль, М. Хайдеггер и К. Ясперс.

Теперь речь пойдет о мышлении *целого*, о полноте и нищете человеческого существования, об обретении полноты через поэтическое высказывание бытия, через мышление в модусе «осмысляющего раздумья» (через философию и искусство) [6]. Искусство открывает в художественном опыте чистое и цельное знание – вне прежнего рационализма и метафизики, но в рамках *нового метафизического проекта*. Искусство есть новая метафизика, так как обращается к глубинному опыту бытия – художественному переживанию, открывающему полноту и цельность мира.

В словаре-новелле «Лексикон прописных истин» Г. Флобер в одном коротком предложении охарактеризовал отношение к метафизике: «*Метафизика*. – Смеяться над ней; это служит доказательством обширного ума» [7, с. 408]. Времена реализма и позитивных наук скупы на комплименты для мысли, не нашедшей подтверждения на практике.

Отметим, что скепсис в отношении метафизического знания отчетливо видел уже Гегель. В статье «Кто мыслит абстрактно?» читаем: «Мыслить? Абстрактно? *Sauve qui peut!* – “Спасайся, кто может!” – наверняка завопит тут какой-нибудь наемный осведомитель, предостерегая публику от чтения статьи, в которой речь пойдет про “метафизику”. Ведь “метафизика” – как и “абстрактное” (да, пожалуй, как и “мышление”) – слово, которое в каждом вызывает более или менее сильное желание удрать подальше, как от чумы» [8, с. 389]. Смерть метафизики у Гегеля, а затем у Флобера иронична, за этой «клиникой» чувствуется уверенность в том, что данное основание неустранимо из логики культуры. Речь идет о бытии как трансцендентном начале сущего, в прорыве к которому человек обретает свободу и смысл.

В «Систематической философии в собственном изложении» (1935) Николай Гартман отмечает: «Наше время стоит перед воротами новой метафизики – совсем другой, правда, как и старая, отрезвившейся, не спекулятивной, ставшей очень осведомленной, но все-таки по содержанию проблем настоящей метафизики» [9, с. 270]. Классическое учение о бытии – «первая философия», покоящаяся на зыбком фундаменте априористики, в условиях современного интеллектуального дискурса оказалась «нежизнеспособной», между тем как сам опыт, описываемый классической философией, остается непреходящим условием целостного существования человека. Это бытие-Единое и есть мир, единственное место и горизонт всякого существования и понимания [10].

Работа Канта пошатнула незыблемость «прямого созерцания», поставив под сомнение способы создания онтологии, характерные для предшествующих интеллектуальных эпох. Однако «критика разума отказывается от старой “червивой” (*wurmstichig*) метафизики только для того, чтобы обосновать возможность новой онтологии» [11, с. 200–201]. И такие проекты сегодня активно включаются в дискуссию о бытии.

О возвращении метафизики в современных онтологических проектах говорит, в частности, С.В. Комаров. В докладе, прочитанном на VII Российском философском конгрессе (Уфа, 2015), он подчеркивает: «Жест спекулятивного реализма К. Мейясу связан с новым возвращением метафизики» [12, с. 31–32]. В спекулятивном реализме Мейясу [13], отмечает автор, мы наблюдаем такую «складку»: открытие *онтологической конечности*. За этим стоит обращение онтологического аргумента, обратная картезианская редукция, спекулятивное истолкование Канта и Хайдеггера. «Корреляционизм» предстает метафизической складкой трансцендентализма в форме повернутой наизнанку поверхности. Сегодня сознание стремится выйти вовне и стать бытием, осознанием наличного бытия-ситуации, сознанием сущего. Эти поиски, возвращая метафизическую проблематику, тем не менее накладывают на нее ограничения, непрерывно указывая скептическому уму на необходимые условия ее существования.

Как прежняя, так и новая онтологии апеллируют к *целому*, но на разных основаниях. Во множестве голосов различных идеологий, рекламы, лозунгов и призывов сегодня теряется философ – человек, дающий слово бытию, теряется сама философия – учение о «бытии как бытии» (А. Бадью): «Это – и есть негативность вопрошания о бытии, которая обрекает гложущую и разрываемую какофонией онтологию признать за бытием *первое встречное* бытийствующее» [14, с. 22], – отмечает М.А. Богатов. Но бытие не нагромождение случайного, не механическая сумма осколков, оно – безусловная, хотя и скрытая целостность.

Опыт и аналитика того, о чем идет речь, присутствуют и в классических текстах. В диссертации 1770 г. [15] Кант говорит о том, что может существовать интеллект, хотя и не человеческий,

который одним взором мог бы отчетливо и ясно обозреть множество без последовательного прибавления единиц измерения. У Гегеля читаем об абсолютном духе и завершающем мир снятии (*Aufhebung*) в понятии. Гению Моцарта, складывающему музыку чистых трансцендентальных сфер в симфонию абсолюта, это поле, питаемое классической метафизикой духа, было открыто. Но актуальная современность усомнилась в истинности исходных метафизических положений. Критика метафизического дискурса в современной ситуации связана прежде всего с отрицанием субстанциального характера бытия.

Рубеж веков, начало XX столетия довели метафизический скепсис до предела. Не только сомнение в достоверности абсолютного знания и реальности абстракций обрушило привычное здание мысли, но и открытие феноменального, наличного опыта.

Начало мышления направлялось фактической наличностью сущего. Бытие представало как сущее. Поворот к мысли, что бытие есть то, что мыслится через сущее как отличное от него *иное*, и последующий уход в это иное как вечное и неизменное «стояние» Идеи установили примат идеального. На рубеже веков эта ситуация обращается вспять. Вместо диалектики наступает жизнь. Эту новую действительность открывают Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Шелер, К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет.

Н. Гартман в статье «Старая и новая онтология» отмечает: «...Познание является лишь одной из многих связей сознания с окружающим миром. Реагирование, действие, любовь и ненависть являются другими, параллельными трансцендентными отношениями, и притом первичными, тогда как познание вторично и во временном отношении образуется также лишь в зависимости от них» [16]. Так антропология стала реакцией на старую, отныне потесненную теорию познания. Традиционных категорий уже недостаточно. Шелер, Ясперс, Хайдеггер обращаются к иным основаниям: дружбе, симпатии, страху, тоске. Через «экзистенциалы» раскрывается новая реальность. Сам жест введения «экзистенциала» в аналитику *Dasein* указывает на стремление Хайдеггера сохранить целое (субстанциальную полноту) как непреходящий опыт, описывая его в новых условиях: когда гарантом этого опыта может выступить только наше здесь-бытие – не трансцендентный объект и не трансцендентальное эго.

Прежние философские категории, предполагавшие разделение на субъект и объект, входили в «архив» эпистемы, продуцирующей знание в бинарной оппозиции, и оказались не в силах ухватить нерасчлененное целое. Категории – «дистиллированные» конструкции, принадлежащие сфере мышления. «Экзистенциалы» же выражают модусы бытия мира в неразрывном единстве с бытием человеческого присутствия – и принадлежат бытию. Именно экзистенциалы способны сохранять в себе опыт целого, противостоящего логическому расчленению и изоляции, в опыте непосредственного переживания искусства звучит молчаливое согласие, возвращающее «подлинность» человеческому бытию в миру.

«В первое мгновение она [Соня] ужасно испугалась... Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг она все поняла...» [17, с. 603]. Столкнувшись лицом к лицу с *настоящим* (неожиданным, нежданым), явившимся в живом ужасе, Раскольников и Соня увидели тот горизонт понимания, в котором, лишенные дара речи, они открыли преобразующую силу любви.

Эта сила любви, как опыт целого, и прежде составляла ядро метафизического знания. Любовь как изначальная Двоица, как пространство синергетического преобразования, как необходимое условие философии. «Говоря “философия”, мы думаем о системах рассуждений. Но это слово состоит из двух, филия: любящие принятие, и софия, умение в смысле понимания. Данте переводит на итальянский: философия есть *amoroso uso di sapienza*, любящее мудрствование» [18, с. 112]. У Платона на высказанное Эриксимахом предложение воздать хвалу Эроту Сократ отвечает: «Против твоего предложения, Эриксимах... никто не подаст голоса. Ни мне, раз я утверждаю, что не смыслю ни в чем, кроме любви, ни Агафону с Павсанием, ни, подавно, Аристофану, – ведь все, что он делает, связано с Дионисом и Афродитой, – да и вообще никому из тех, кого я здесь вижу, не к лицу его отклонять» [19, с. 86].

Этот опыт – опыт полноты, целого – остается тем, что невидимо, но что раскрывается в «настроении» присутствия, в со-бытии (как непреходящем условии данного опыта). Не в силах отказаться от метафизических оснований, современность тем не менее налагает критические скрепы на концепты классической мысли. В этом «удваивании» – непреходящее условие полноценного разговора о бытии. Опыт полноты, определяющий прежнюю метафизику, оказался расколотым, современность предстала реверсом «классики», ее складкой. Однако исходный опыт полноты неустраивает – сегодня он обнаруживает себя в конкретном опыте искусства. Именно он является субстанциальным основанием для построения нового метафизического проекта в актуальной интеллектуальной ситуации. Современность характеризуется реверсивным мерцанием – между прошлым и настоящим, бытием и смыслом. Вопрос: «Как возможна метафизика?» (свободная от спекулятивных построений, характерных для философских программ классики) остается актуальным и предполагает целый ряд перспективных направлений исследования.

Феноменологический анализ опыта, становящегося в искусстве, его раскрытие в дискурсе аналитики здесь-бытия указывают не столько на возможность построения критической метафизики, сколько на существенную необходимость таковой, вызванную проблемами и потребностями современной культуры.

Ссылки:

1. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 28–68.
2. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. М., 2007. 166 с.
3. Железняк В.Н. Мышление и воля. Принцип тождества мышления и воли в классическом рационализме и его историческая эволюция : монография. Пермь, 2015. 616 с.
4. Кант И. О форме и принципах чувственного и умопостигаемого мира // Кант И. Сочинения в 6 томах. М., 1964. Т. 2. С. 381–427.
5. Железняк В.Н. Указ. соч. С. 199.
6. Хайдеггер М. Отрешенность // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. С. 102–112.
7. Флобер Г. Лексикон прописных истин // Флобер Г. Госпожа Бовари. Новеллы. М., 1988. С. 392–424.
8. Гегель Г.В.Ф. Кто мыслит абстрактно? // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет : в 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 387–394.
9. Гартман Н. Систематическая философия в собственном изложении // Фауст и Заратустра. СПб., 2001. С. 207–274.
10. Бибахин В.В. Мир. СПб., 2007. 431 с.
11. Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 200–201.
12. Комаров С.В. Жест спекулятивного реализма К. Мейясу // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений : тезисы докладов VII Российского философского конгресса (Уфа, 6–10 окт. 2015 г.) : в 3 т. Уфа, 2015. Т. 1. С. 30–31.
13. Harman G. Quentin Meillassoux Philosophy in the Making. Edinburgh, 2011. 256 p. ; Meillassoux Q. After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency. L., 2008. 212 p.
14. Богатов М.А. Манифест онтологии. М., 2007. 360 с.
15. Кант И. О форме и принципах ...
16. Гартман Н. Старая и новая онтология [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/gartman-n/staraya-i-novaya-ontologiya> (дата обращения: 09.04.2016).
17. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М., 2010. 604 с.
18. Бибахин В.В. Указ. соч. С. 112.
19. Платон. Пир // Платон. Собрание сочинений в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 81–134.

References:

- Bibikhin, VV 2007, *The world*, St.-Petersburg, 431 p., (in Russian).
- Bogatov, MA 2007, *Proclamation of ontology*, Moscow, 360 p., (in Russian).
- Dostoevsky, FM 2010, *Crime and punishment*, Moscow, 604 p., (in Russian).
- Flaubert, G 1988, 'Fundamental truth', *Gospozha Bovari. Novelty*, Moscow, pp. 392-424, (in Russian).
- Harman, G 2011, *Quentin Meillassoux Philosophy in the Making*, Edinburgh, 256 p.
- Hartmann, N 2001, 'Systematic philosophy in its statement', *Faust I Zarathustra*, St.-Petersburg, pp. 207-274, (in Russian).
- Hartmann, N 2016, *Old and new ontology*, viewed 09 April 2016, <<http://anthropology.ru/ru/text/gartman-n/staraya-i-novaya-ontologiya>>, (in Russian).
- Hegel, GWF 1970, *Who thinks abstractly?*, works of different years, in 2 vols., vol. 1, pp. 387-394, (in Russian).
- Heidegger, M 1991a, 'Anaximander's sayings', *Razgovor na proselochnoy doroge*, Moscow, pp. 28-68, (in Russian).
- Heidegger, M 1991b, 'Detachment', *Razgovor na proselochnoy doroge*, Moscow, pp. 102-112, (in Russian).
- Kant, I 1964, *The form and principles of the sensible and intelligible world*, compositions in 6 vols., Moscow, vol. 2, pp. 381-427, (in Russian).
- Komarov, SV 2015, 'Gesture of speculative realism of Q. Meillassoux', *Filosofiya. Tolerantnost'. Globalizatsiya. Vostok i Zapad – dialog mirovozzreniy: tezisy dokladov VII Rossiyskogo filosofskogo kongressa (Ufa, 6–10 okt. 2015 g.)*, in 3 vols., Ufa, vol. 1, pp. 30-31, (in Russian).
- Meillassoux, Q 2008, *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*, London, 212 p.
- Nietzsche, F 2007, *The birth of tragedy or Hellenism and pessimism*, Moscow, 166 p., (in Russian).
- Plato, 1993, *Feast*, collected works, in 4 vols., Moscow, vol. 2, pp. 81-134, (in Russian).
- Zheleznyak, VN 2015, *Thinking and will. The principle of the identity of thinking and will in classical rationalism and its historical evolution*, monograph, Perm, 616 p., (in Russian).